

С.А. Польская (Ставрополь, СГУ)

КОРОЛЬ И LES GENS DES ARMES ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЙНЫ: КАРЛ V И ЕГО КОННЕТАБЛИ

Карл V Мудрый (1364 – 1380), как известно, пришел к власти в один из самых кризисных для Франции периодов Столетней войны. Перипетии катастрофы при Пуатье, откуда он спасался бегством, двух регентств 1356 – 1360 и 1364 гг. сделали короля обладателем, подчас несовместимых качеств характера: недоверчивость и терпеливость, склонность избегать прямые конфликты и крайняя щепетильность, – одним словом, цепким, вопреки обстоятельствам. Отсюда его интерес к праву, к тщательному соблюдению своих обязанностей монарха, к протоколу, к собственному и чужому профессионализму. Это мало соответствовало традиционным представлениям о короле-рыцаре. Так, сын Эдуарда III, герцог Ланкастерский Джон Гонт, не скрывая презрения, публично называл Карла V «адвокатом», о чем прямо пишет один из самых известных хронистов Столетней войны Жан Фруассар, повествуя о конфискации Аквитании 30 ноября 1368 г. и попытках английского монарха во время ассамблеи заручиться поддержкой гасконской знати для возвращения земель под власть Ланкастеров: «Тогда английские бароны сказали Эдуарду, что король Франции был мудрым и превосходным правителем, а также добрым советчиком. Джон Гонт, герцог Ланкастер, сын короля Эдуарда, побагровел и бросил презрительно: «Как? Этот адвокат!» Когда королю Карлу V передали эти слова, он рассмеялся и весело сказал: «Пусть! Если я адвокат, я устрою им тяжбу [за победу в войне – С.П.], для которой у них не хватит средств!» [6, р. 548].

При этом Карл невыгодно выделялся из числа ближайших предшественников и преемников своей внешностью. Прижизненные портреты показывают нам его как болезненного, хилого, почти изможденного человека. Его современница, блистательная интеллектуалка эпохи, Кристина Пизанская так описывает короля: «С крупной головой, узкий в плечах ..., с красивым, немного вытянутым лицом, крупным носом и ... большими карими красивой формы глазами, с не таким уж маленьким ртом ... и светлыми волосами, в черном или коричневом платье, но с бледной кожей. Его лицо всегда было мудрым, спокойным и учтивым, и все жесты не

обнаруживали ни горячности, ни гнева, но умеренность и самообладание. У него был выразительный взгляд, мелодичный мужской голос, произносящий при этом самые прекрасные речи, настолько же хорошо организованные, как и приятные слуху, без какой-либо избыточности...» [2, р. 4–5]. В итоге перед подданными предстает правитель от природы – «умный и умудренный опытом» («*sage et visseux*») [2, р. 3] одновременно.

В силу своих болезней Карл V первым из французских королей даже номинально не командовал войсками, передоверив эту ранее исключительно королевскую функцию профессиональным *les gens des armes* – «людям войны», занявшим ведущие должности при его дворе. Речь идет о коннетаблях Бертроне Дю Геклене (*Bertrand du Guesclin*), Оливье де Клисоне (*Olivier de Clisson*), Оливье де Мони (*Olivier de Mouny*), непосредственно призванных осуществлять победы над армией Ланкастеров.

Но не только слабое здоровье короля заставило его отказаться от прежних традиций монарха-воина. Затяжной характер войны, широкий разброс провинций, в которых велись боевые действия, английская оккупация различных областей Франции – все это делало необходимым делегирование королем командных функций и вело к постоянному расширению полномочий и росту значимости именно военных придворных должностей. В первую очередь это касалось коннетабля, полномочия которого на поле боя и в военной сфере в целом почти не уступали королевским.

Одним из лучших коннетаблей эпохи Столетней войны, вне сомнения, в правление Карла V стал Бертран Дю Геклен, не обладающий для этого, казалось бы, никакими исходными качествами. Родившийся около 1320 г. в замке Мотт Броон в семье мелкого бретонского рыцаря, он не только не получил никакого образования, а остался полностью безграмотным, не научившись ни читать, ни писать. Во время борьбы за Бретонское герцогство в 1341-1364 гг. он сражался на стороне поддерживаемого Францией Карла де Блуа, возглавлял небольшой отряд рутьеров, ведущих войну с англичанами и их ставленником Жаном де Монфором. В 1356–1357 гг. Дю Геклен оборонял г. Ренн в Бретани. В итоге с 1364 г. он окончательно оказался на службе у Карла V, разбил англичан в битве при Кошереле и даже стал королевским наместником Нормандии [4, р. 12–24].

Внешняя типичность его личности очевидна. Когда Дю Геклен поступил на королевскую службу, он был всего лишь капитаном «солдат удачи», увлекавшимся набегами и грабежами, превосходивший прочих властью и строгой дисциплиной, установленной им среди своих людей. И этому человеку скромного происхождения и грубой внешности – его надгробие в Сен-Дени являет нам изображение его большой головы,

квадратных плеч, широкого, приплюснутого носа, рта, в котором человеческой кажется только улыбка – предстояло всего через шесть лет занять самую значимую военную должность во Французском королевстве [1, р. 16]. При этом его нельзя назвать полководцем, не знавшим ни одного поражения: в том же 1364 г., в битве при Орее в Бретани Дю Геклен попал в плен к англичанам и был выкуплен за 100 тыс. ливров; деньги дали папа, французский король и некоторые другие государи [11, р. 34–56]. И этот факт пример является далеко не единственным.

В 1370 г. Карл V даровал Дю Геклену титул графа де Лонгвилля и назначил его коннетаблем Франции, что было неслыханно для бывшего предводителя рутьеров. И дело было не только в его низком происхождении и неграмотности. Выдвижение на высшие командные посты представителей мелкой знати в ходе Столетней войны оказалось самым слабым местом военной организации Франции, поскольку неизбежно вело к злоупотреблениям и протестам аристократии. Так, Фруассар был поражен милостью, оказанной Дю Геклену: – ведь он даже знает грамоты! Однако, сообщая о решении Карла V, хронист вкладывает в уста новоявленного коннетабля пространную и достаточно аргументированную речь: «Истинно, дорогой сир и благородный король, я должен осмелиться воспротивиться вашему великодушному намерению: как бы то ни было, сир, истинная правда, что я беден и что недостаточно знатен для того, чтобы принять столь важный и столь благородный пост коннетабля Франции. Ибо подобает, чтобы этот военачальник достойно исполнял свои обязанности, и с этой целью ему надлежит командовать в первую очередь великими мужами, а не маленькими людям. Взгляните же, сир, теперь на моих господ, Ваших братьев, Ваших племянников и Ваших кузенов, которые командуют многими воинами в Вашем войске и сопровождают Вас в походах. Сир, как мог бы я осмелиться отдавать им приказы? Безусловно, сир, зависть столь велика, что мне следует бояться ее. И потому, сир, я прошу вашей милости, простите меня и доверьте этот пост кому-либо другому, кто примет его с большей радостью, нежели я, и сможет лучше исполнять возложенные на него обязанности».

Не менее откровенен и ответ короля, в котором явно проступает его позиция решительного в своем красноречии политика: «Тогда король сказал: «Мессир Бертран, Вам нечего стыдиться, потому что если я, мои братья, кузены и племянники, а также всякие графы или бароны в моем королевстве, не подчинимся вам, или сделаем что-то раздражающее Вас, я буду так разгневан, что это заметит всякий. Кроме того, назначение следует принимать добровольно, я же молю Вас [о согласии – *С.П.*]» [6, р. 621].

Как и его предшественник, Робер де Фьенн (*Robert de Fiennes*), Дю Геклен получил огромные полномочия, но и они оказались еще более широкими. Карл V, по сути, уравнивал права коннетабля с прерогативами принцев крови, сделав его третьим лицом при Дворе после короля и его братьев. Когда придет черед правления Карла VI, его почти 30-летнее психическое расстройство приведет к тому, что коннетабль Бернар д'Арманьяк (*Bernard d'Armagnac*) будет пытаться править страной [3, 165–167]. Начало этому процессу будет положено ордонансом 1370 г. о прерогативах коннетабля. Он предусматривал целый ряд принципиальных для усиления властных функций главы армии.

Должность оставалась пожизненной, но не наследственной, предусматривая, таким образом, военное дарование и личную храбрость [9]. Ни длительный плен, ни тюрьма не лишали коннетабля его звания, что периодически и происходило с Дю Гекленом, как уже указывалось выше, неоднократно выкупаемым из плена. Кроме того, столь широкие властные полномочия предполагали безусловную верность королю и его интересам. И здесь Дю Геклена трудно упрекнуть в отсутствии этих качеств.

Разумеется, выполнение столь многочисленных полномочий не всегда проходило успешно, в том числе и в придворной среде. Так, ссора между Дю Гекленом и военным казначеем Франции Жаном де Мерсьером привела к тому, что осада Шербура в 1378 г. была сорвана, и в результате стратегически важная крепость оставалась в руках противника еще шестьдесят лет [7, p. 421]. Но главное было выполнено. В течение почти непрерывной десятилетней кампании Дю Геклен сумел очистить большую часть юга Франции от англичан. При этом он вовсе не стремился вести войну по рыцарским канонам, предпочитая сражаться силами наемников, а не рыцарского ополчения. Он вводил в своих отрядах жесткую дисциплину, не любил крупных сражений, предпочитая мелкие столкновения и методы скрытой войны, и именно этим добился улучшения положения Франции в Столетней войне к концу XIV в. В этом его позиция совпадала с королевской. Тактика Карла V тоже состояла в том, чтобы изматывать вражеские войска в чистом поле, избегая завязывать сражения и заботясь о том, чтобы прочно удерживать за собой как крепости, так и просто хорошо укрепленные города. И она едва не привела к катастрофическому концу поход Черного Принца, который, выступив с побережья Ла-Манша, только с большим трудом, даже не вступая в бой, в сеже сумел добраться до Бордо – столицы английской Гиени [5, p. 251–252].

Дю Геклен погиб 13 июля 1380 г. в Южной Франции, при осаде г. Шатоннеф-де-Рандон., разделив судьбу многих из своих предшественников. Однако именно ему была оказана высшая посмертная почесть: быть

похороненным в аббатстве Сен-Дени – усыпальнице французских королей – в ногах могилы Карла V [4, p. 475]. Дю Геклен вошел в историю не только в качестве великого полководца, хотя однажды проигрывал свои сражения, но и как образец рыцарства, несмотря на его несоответствие требованиям, предъявляемым традицией даже к внешнему поведению он однажды, как пишет Фуассар, дал обет «... начать сражение не раньше, чем съест три миски винной похлебки в честь Пресвятой Троицы», а в другой раз – «... не брать в рот мяса и не снимать платья, пока не овладеет городом» [6, p. 471, 504]. Внутренне он полностью соответствовал своему призванию, будучи истинным «человеком войны».

В XIV в. в Западной Европе распространился особый светский культ т. н. «девяти героев», идеальных образцов рыцарства: трех языческих (Гектор, Александр Македонский, Юлий Цезарь), трех иудейских (Иисус Навин, царь Давид, Иуда Маккавей) и трех христианских (король Артур, Карл Великий, Готфрид Бульонский). Когда в первой половине XV в. Франция потерпит самые тяжелые поражения в Столетней войне, к ним будет приравнен и Бертран Дю Геклен – десятый коннетабль Франции.

Но реалии жизни двора так и не примирили принцев крови с назначением на высшие должности представителей из другой среды. И неудивительно, что после смерти Дю Геклена Людовик Анжуйский желал сохранить эту должность вакантной, считая, что с ней связаны слишком значимые полномочия, а прочие братья короля, герцог Бургундский и герцог Беррийский, справедливо противились намерению Карла V назначить на этот пост другого бретонца, – первоначально изменника Франции, хотя и в большей степени приемлемого для высшего общества, – Оливье де Клиссона.

Оливье V де Клиссон принадлежал к старинному бретонскому роду и был сыном Оливье IV де Клиссона и Жанны де Бельвиль. Его отец по приказу французского короля Филиппа VI был казнен в 1343 г. за сдачу англичанам бретонского города Ванна. Его овдовевшая мать бежала в Англию (а до этого, мстя за мужа, сама командовала каперским судном, действуя против французов), и при лондонском дворе наследник Клиссонов воспитывался вместе с Жаном де Монфором, будущим претендентом на престол герцога Бретонского и своим сюзереном [9, p. 20–21].

Оливье де Клиссон, сражавшийся на стороне Монфора в союзе с англичанами, потерял в 1364 г. в противостоянии с Дю Гекленом глаз, отчего получил прозвище «Одноглазый из Орея» [9, p. 64]. Однако переменчивая военная удача заставила его выступать по обе стороны фронта. В итоге в 1370 г. Клиссон стал побратимом своего давнего противника Дю Геклена; 23 октября в Понторсоне они поклялись в дружбе и выпили чашу вина, по традиции смешав в ней свою кровь, после чего, как указывает Фуассар, Дю

Геклен заявил: «Это будет хорошо для нас обоих, и мы вместе обернем это преимущество на пользу нашей стране» [6, р. 622]. В том же году Клиссон перешел на службу к Карлу V и 4 декабря того же года вместе с Дю Гекленом нанес поражение под Пон-Валленом англичанам, которым служил ранее [6, р. 623]. После смерти Дю Геклена уже Карл VI в 1380 г. назначил Клиссона следующим коннетаблем [8, р. 538; 6, р. 97], чем продолжил позицию отца по поддержанию статуса «людей войны».

Пример Карла V, политические и потестарные стратегии которого предполагали привлечение лучших представителей общества на государственную службу, в первую очередь, положило начало серии реформ, связанных с централизацией правления и демонстрирует значимость личных качеств главы государства в условиях системного кризиса, вызванного эпохой Столетней войны. Аналогичные причины послужили выдвижению обоих коннетаблей, прагматично привлеченных к королевской службе вследствие выраженных качеств *les gens des armes* вопреки ранее существовавшим нормам назначения на высшие государственные должности. Подобная практика получила свое подтверждение и при назначении адмирала Жана де Вьенна (*Jean de Vienne*), маршалов Арно д'Одрегема (*Arnoulf d'Odregem*), старшего Бусико (*Boucicaud*), Мутена де Бленвиля (*Moutin de de Blainville*) и Людовика де Сансерр (*Louis de Sancerre*) и целого ряда гражданских чинов: от канцлера в лице братьев Жана и Гийома Дормонов (*de Dormans*) и первого президента Парижского парламента Пьера д'Оржемона (*Pierre d'Orgemont*) до прево Парижа Уго Обрио (*Hugues Aubriot*) и госпиталяера Симона Эсден (*Simon Hesdin*) [10, р. 21, 88]. Таким образом, незаурядность личности самого короля и обладавшее теми же качествами его окружение явились неотъемлемой частью успехов правления Карла V.

1. Chervalier J. Le mausolée de du Guesclin au Puy. – Paris, 1978.
2. Christine de Pisan. Le livre des fais et bonnes meurs du sage roi Charles V / Éd. Foucault // Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France (1re série), rév. par M. Petitot. – Paris, 1824.
3. Famiglietti, R.C. Royal intrigue: crisis at the court of Charles VI, 1392-1420. – New York, 1986.
4. Jacob, Y. Bertrand du Guesclin: connétable de France. – Paris, 1992.
5. Lacour, C. Bertrand Duguesclin, connétable de France: Duguesclin combat les Anglais et sauve le royaume. — Nîmes, 2005.
6. Les chroniques de sire Jean Froissart: qui traitent des merveilles emprises, nobles aventures et faits d'armes advenus en son temps en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Ecosse, Espagne, Portingal et ès autres parties / Nouvellement reçues et augm. d'après les ms. avec notes, éclaircissements, tables et glossaire par J. A. C. Buchon. – T.1. – Paris, 1835.
7. Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. A. G-L. Jourdan, Decrusy, F. A. Isambert: 29 vol. – Paris, 1821-1833. – T.V.

8. Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. A. G-L. Jourdan, Decrusy, F. A. Isambert: 29 vol. – Paris, 1821-1833.. – T.VI.
9. Richard, Ph. Olivier de Clisson: connétable de France, grand seigneur breton, 1336-1407. – Paris, 2007.
10. Sherman, C.R. The Portraits of Charles V of France (1338-1380). – New York, 1969.
11. Vernier, R. The Flower of Chivalry: Bertrand Du Guesclin and the Hundred Years War. – Woodbridge, 2003.